

ГЛАВА 3

Кит

Пару дней спустя я уже иду на посадку в широкофюзеляжный самолет новозеландской авиакомпании. Почему-то нервничаю. Вообще-то я редко путешествую, если не считать нескольких поездок в Мексику во время весенних каникул, так что я забронировала место в бизнес-классе, у иллюминатора. Крупных покупок для себя не совершаю, только доски для серфинга и авторучки, и в этот раз решила: «гулять так гулять». В фирме «Airbnb» заказала первоклассный номер с видом на океан в небоскребе, что находится в центре города. Если поездка окажется тщетной, хоть отдохну как человек.

Убаюканная мерным гулом двигателей и невнятным бормотанием пассажиров, я почти сразу задремала. И, конечно, увидела сон. Тот же, что и всегда.

Я сижу на камне в небольшой бухточке, рядом со мной Уголек. Я обнимаю его, он льнет ко мне. Мы смотрим вдаль на бушующий океан, наблюдаем, как огромные волны несутся к берегу и разбиваются об острые скалы. Нас обдаёт брызгами, но мы не отодвигаемся. Далеко в океане Дилан мчится по волнам на серфборде. Гидрокостюма на нем нет — одни только красно-желтые шорты. В такую погоду,

я знаю, серфить опасно, но просто наблюдаю за ним. Волны слишком высокие, однако он седлает одну и скользит по гребню, расставив руки. Дилан доволен, по-настоящему счастлив, и поэтому я не предупреждаю его, что волна вот-вот обрушится.

А потом она швыряет его, и он исчезает в океане. Уголек заходится лаем, но Дилан так и не выныривает. Волны стихают, а на поверхности воды ничего — только серебристая гладь океана до самого горизонта.

Я вздрагиваю и просыпаюсь, во рту пересохло. Я поднимаю шторку иллюминатора, смотрю на бесконечную тьму океана. Светит полная луна, от нее далеко-далеко внизу — лунная дорожка. Блеск звезд немного смягчает непроглядный мрак черного неба.

В груди у меня что-то пульсирует, словно некая пробоина, но, если посидеть смирно, думая о чем-то вне себя самой, обычно это проходит.

Как мне удалось пережить те утраты, которыми была отмечена моя юность? Я самостоятельно овладела навыками психологической фрагментации, хотя мама советовала мне обратиться к психотерапевту. Я неплохо себя чувствую, почти все время. Но сейчас недавний сон ясно стоит перед глазами, навевая разные воспоминания. Вот мы с Джози рано-рано утром проникли в ресторан, чтобы насыпать в сахарницы соль — это же так смешно, — а папа разозлился и отшлепал нас обеих. Вот мы обе танцуем на террасе нашего ресторана в старых маминых ночнушках. Играем в русалок на пляже или в фэй на отвесных утесах. Позже мы все трое — Джози, Дилан и я — плещемся, словно рыбки, купаемся в бухте, разжигаем костер или осваиваем искусство каллиграфии, выводя буквы авторучками, что мама

привезла из какой-то поездки, которую она совершила вместе с отцом в один из счастливых периодов их жизни. Увлечение каллиграфическим письмом подкреплялось страстью Дилана ко всему китайскому. Как многие мальчишки тех лет, он просто боготворил Квай Чан Кейна из телесериала «Кунг-фу».

Я обожала их обоих, но в первую очередь сестру. Я боготворила даже воздух, которым она дышала. Готова была исполнить все, что она прикажет, — гнаться за бандитами, строить лестницу до луны. А она приносила мне морских ежей, из кладовой таскала для меня печенье «Поп-Тартс» и по ночам не выпускала меня из своих объятий.

Первым серфингом увлекся Дилан. Он и научил нас покорять волны, когда мне было семь лет, а Джози девять. Серфинг наполнял нас осознанием собственной силы, приносил облегчение, позволяя отрешиться от неблагоприятной жизни нашей семьи и исследовать море. Серфинг роднил нас с самим Диланом.

Джози. Я вспоминаю ее в ту пору, когда она еще не изменилась, не замкнулась в себе, став распушенной наркоманкой. И меня захлестывает неизбежная тоска, я ее физически ощущаю. Все мое существо, каждая молекула скорбит, скучает по моей сестре.

В тринадцать-четырнадцать лет в ней произошла резкая перемена. Она постоянно ругалась с отцом, восставала против малейших правил. Даже Дилан не мог на нее повлиять, а он пытался. С нами он держался как взрослый, как дядя или отец, но все же он сам был подростком. Джози начала тусоваться с более взрослыми ребятами, пропадала с ними на побережье где-то севернее нашего пляжа. Они называли ее Сексуальной Малышкой или Сексуальной Серфисточкой. К тому времени

она еще больше похорошела. Миниатюрная девушка с кофейным загаром и длинными светлыми волосами, прореженными выгоревшими на солнце прядями.

Джози, Джози, Джози.

Наконец я снова погружаюсь в дрему, проваливаюсь в глубокий сон, и пробуждаюсь только тогда, когда на мои веки падает луч солнца.

Внизу лежит Новая Зеландия — изогнутые участки суши синего цвета среди огромного океана. Вокруг большого острова — множество маленьких, и я с изумлением отмечаю, что из поднебесья моему взору открываются и Тихий океан, и Тасманово море. Тасманово море синее.

Самолет выполняет разворот и начинает снижаться, теперь я вижу бухты и скалы вдоль побережья. У меня громче бьется сердце. Найду ли я Джози, или эта поездка изначально бессмысленна?

Я прижимаюсь лбом к иллюминатору, не хочу отводить глаз от раскинувшейся внизу красоты. На волнах блестит солнце, и я вспоминаю, как мы с сестрой думали, что в океане полно драгоценных камней, они танцуют на гребне каждой волны.

В нашем далеком детстве однажды утром мама шепотом разбудила нас, заглянув в палатку, в которой мы спали — мы с Джози в обнимку с Угольком.

— Девочки, — напевно произнесла мама, обхватив меня за лодыжку, — просыпайтесь! Посмотрите, что я нашла!

Стоял густой туман, схлынувшая в океан вода обнажила идеально ровное песчаное дно. Мама повела нас по тропинке к маленькой пещере, в которую можно было попасть только во время отлива.

— Смотрите! — воскликнула она, рукой указывая на что-то.

В пещере находилось нечто похожее на сундучок. Джози наклонилась, чтобы получше разглядеть его впотьмах.

— Что это?

— Наверное, клад, — ответила Сюзанна. — Иди посмотри.

Джози выпрямилась, сложила руки на груди.

— Не полезу.

— А я полезу. — Хотя Джози была на два года старше меня — ей было семь лет, а мне пять, — я всегда была смелее. Снедаемая любопытством, не страшась всяких ползучих тварей, я храбро шагнула в пещеру. Пригибаясь, чтобы не удариться головой, я даже в темноте разглядела, что из шкатулки вываливаются блестящие вещицы — прямо как на рисунках с изображением награбленных трофеев.

— Сокровища! — воскликнула я и потащила сундучок из пещеры.

Сюзанна опустилась на колени.

— В самом деле. Думаешь, пираты спрятали?

— Или русалки, — кивнула я, погружая руки в жемчуга, кольца с драгоценными камнями, браслеты, потемневшие монеты.

Мама распутала колье из сапфиров и повесила мне на шею.

— Может, и русалки, — согласилась она. — А теперь их драгоценности украшают тебя.

Я надела ей на руку браслеты. Джози нанизала кольца на пальцы ее ног. Увешанные найденными сокровищами, мы сели на берегу и стали пить горячий шоколад. Две русалочки и мама-русалка.

Подошедшая стюардесса заставила меня очнуться от грез.

— Мисс, мы заходим на посадку.

— Спасибо.

Я моргаю, пытаюсь вернуться в настоящее, в котором та же самая мама ждет известий о том, что мне удалось узнать об ее утраченной дочери. Уже в миллионный раз я пытаюсь понять, как совместить хорошее и плохое в Сюзанне, но это невозможно. Самая ужасная мать на свете. И самая лучшая.

Внизу уже виден город. Раскинувшийся на обширной гористой территории, он весь утыкан крышами домов и улицами. Я вдруг чувствую себя полной идиоткой: эта поездка — совершенно дурацкая затея. Как я собираюсь найти человека в таком большом городе? Даже если это действительно моя сестра?

Полнейший абсурд.

Да нет, почему же? В репортаже определено была она, моя сестра Джози, это точно. И если она там, в городе, что простирается внизу, я ее непременно найду.

* * *

Добравшись до центра Окленда, я чувствую, что из-за смены часовых поясов просто валяюсь с ног, словно меня околдовали. Смутно помню, как втащила чемодан в вестибюль многоэтажного апарта-отеля; в убранстве интерьера я отметила некоторые намеки на «прошлое» в стиле ар-деко, которого у этого дома никогда не было. Мой чемодан с тихим шумом катит по мраморному полу, и молодая женщина-маори в форменной одежде приветствует меня, вручает мне ключ, указывает направление к лифту. Мимо проходят две элегантно одетые девушки-азиатки, идеальные до невозможности, рядом с ними я — великанша под 180 сантиметров с кудрявыми волосами, ужасно растрепан-

ными после долгой дороги. Макияж, что я наложила в Калифорнии, давно исчез. Жаль, что я не в белом халате, который показал бы окружающим, что я врач, а к медикам отношение другое.

Кошмар.

Лифт открывается, из кабинки выходят мужчина и женщина средних лет, у обоих в руках фотоаппараты; мужчина приятной наружности придерживает для меня дверь. Я киваю ему.

— *Denada**, — чарующе произносит он. Я слабо улыбаюсь, лифт закрывается, и я прислоняюсь головой к стене кабинки, не сразу сообразив, что надо нажать кнопку этажа.

Восемнадцатый.

Я поднимаюсь одна, выхожу на своем этаже, отыскиваю свой номер, открываю дверь. Сначала немного поражена. Номер просторный, красивый. Справа кухня, слева ванная, есть гостиная с диваном и столиком, спальня с балконом, откуда открывается вид на другие здания и бухту.

Но даже все это я фактически не воспринимаю. Телефон мой почти совсем разрядился, надо бы где-то найти зарядку, но я просто сбрасываю одежду, задвигаю шторы и падаю в постель.

* * *

Пробудившись от крепкого сна, я не сразу понимаю, где нахожусь. Лежу, свернувшись калачиком под одеялом, замерзла, а постель не моя.

Постепенно начинаю вспоминать. Новая Зеландия. Сестра. Мама и несчастный Бродяга. Беру телефон, вспоминаю,

* Пожалуйста, не за что (*исп.*).

что он разрядился, а зарядки нет, и я даже не знаю, который час. Не вылезая из постели, дотягиваюсь до занавески, отдергиваю ее.

За окном — словно сверкающая ткань из драгоценных камней — бухта. Ее освещает, должно быть, предвечернее солнце в своем мягком великолепии, по воде скользит парусное судно. В другом направлении быстро и плавно движется паром, вдали длинный мост. Со всех сторон многоэтажные офисные здания. В окнах я вижу людей: они куда-то спешат по коридорам, собираются в конференц-зале, стоят вокруг стола, беседуют. Почему-то эти сцены действуют на меня успокаивающе, я долго лежу в той же позе, наблюдая за незнакомыми людьми.

В животе урчит от голода, придется встать. Потягиваюсь, разминая занемевшие в полете мышцы, плетусь в кухню. Там стоит ваза с фруктами, есть еще поршневой заварной чайник и пакетик кофе. В холодильнике, просто громадном для такой маленькой кухни, молоко, и на столике пакетики с сахаром. Есть и электрочайник, ярко-красный. Наливаю воды, ставлю кипятиться, сама иду в душ. Душевая великолепна, вся из стекла, на полочке душистые пузырьки с шампунем и мылом. Вода лучше всего возвращает меня к жизни. После душа я готова ко всему, что мне предстоит сделать. Заварочный чайник по конструкции немного сложнее, чем нужно, но кофе получился божественный. Я полностью отдергиваю занавески и, наслаждаясь видом на залив, поедаю два банана, два яблока, пью кофе. Этого мне должно хватить на время, а потом где-нибудь сяду поем.

Сейчас самое главное — найти зарядное устройство для телефона. Перед отъездом я пыталась его купить, но времени было мало, а в магазине оказались зарядки только для европей-

ских, британских и японских розеток. На стойке администратора стоит стройный молодой человек. Я спрашиваю его, где купить зарядное устройство, и он показывает на один из выходов, что ведет на главную улицу.

Выхожу, и меня сразу поглощает жара. Ощущение такое, словно я запечатана в толстом влажном конверте. С минуту просто стою на месте и вдруг остро сознаю, что я одна в чужом городе с многомиллионным населением за многие тысячи миль от дома и своих знакомых. Меня охватывает паника, ведь у меня нет телефона с GPS, как же я буду ориентироваться? В голове сразу возникают всякие ужасы: меня сбивает машина, потому что, переходя улицу, я посмотрела не в ту сторону; забредаю в опасный район; случайно оказываюсь в эпицентре какой-нибудь драки.

Так не бывает, чтобы каждое событие оборачивалось катастрофой, убеждаю себя. Но вообще-то, строго говоря, бывает.

Нет, не позволю этой мысли повелевать собой. Когда-то я, не раздумывая, уехала в университет за много миль от дома, а ведь тогда телефонов с навигаторами не было. Я бросаю взгляд вокруг, смотрю, где нахожусь, отмечаю основные ориентиры: большая площадь с лестницей заполнена нарядно одетыми молодыми азиатами и потными туристами из Европы. До меня доносятся китайская и корейская речь, обрывки фраз на немецком языке, а также на английском с разными акцентами.

Такое попури успокаивает нервы, напоминает о Сан-Франциско, где я прожила почти десять лет — учеба в институте, затем ординатура. Оклэнд во многом похож на Сан-Франциско — такой же сверкающий, окружен водой, многолюдный и дорогой, чрезвычайно привлекательный.

Я оборачиваюсь, обращая внимание на то, что здание отеля, в котором я остановилась, это, по крайней мере, частично, многоквартирный жилой дом, и от других оно отличается элементами стиля ар-деко. Его будет видно издалека. Но я все же запоминаю адрес и название улицы, по которой иду.

Дежурный в отеле направил меня в торговый комплекс. Я прохожу мимо множества магазинчиков на подземном этаже и неожиданно оказываюсь на оживленной главной улице. Квин-стрит. Здесь тротуар укрыт навесами магазинов, под которыми толпится народ, и я рада, что могу спрятаться от солнцепека.

Магазин электроники — точно такой же, как любой другой: гаджеты, коробки, провода. За прилавками — молодые ребята и одна девушка. Она подходит ко мне.

— Добрый день, мадам. — От такого обращения я сразу чувствую себя старушкой. — Вам помочь?

Акцент у нее совсем не австралийский, как можно было бы ожидать; манера произношения более отрывистая и ритмичная.

— Да. — Я вытаскиваю телефон. — Мне нужна зарядка.

— Вы из Америки, да?

— Да, но вроде бы это не имеет значения. Здешняя зарядка должна подойти к американскому телефону.

— Не беспокойтесь, — улыбается девушка. У нее круглое белое лицо. — Я просто отметила. Мне бы так хотелось побывать в Америке. — Она манит меня пальцем. — Пойдемте.

— А где именно в Америке? — спрашиваю я, просто из вежливости.

— В Нью-Йорке, — отвечает она. — Вы там бывали?

— Один раз, участвовала в конференции. — Та поездка почти не отложилась в памяти. — Правда, мне запомнилось только, что я ходила смотреть картину, которую всегда любила.

— Так. — Девушка снимает с полки коробку, берет у меня телефон, проверяет. — Да, это подходит. Что-нибудь еще?

— Да нет. — Но потом, взглянув на провода, понимаю, что мне нужен провод для лэптопа. Называю ей фирму и модель. Затем мы идем к кассе, я протягиваю ей кредитку.

— А что за картина? — спрашивает она.

— Что?

Девушка возвращает мне кредитку.

— На какую картину вы ходили смотреть в Нью-Йорке?

Я улыбаюсь, качая головой. Мне не хочется признаваться, что это картина одного из прерафаэлитов, на которой изображена русалка.

— Кисти Уотерхауса*. Знаете его работы?

— К сожалению, нет. — Она вручает мне пакет с покупками. — Желаю вам хорошо провести здесь время.

Разговор с продавщицей, точнее, воспоминания о той картине, навевают мысли о сестре, хотя, конечно, я только о ней и думаю с тех пор, как увидела ее в выпуске новостей.

— Вообще-то, я приехала по невеселым делам. Вы случаем не знаете, где тот ночной клуб, в котором случился пожар? Там в то время находилась одна моя знакомая.

— Ой! — Девушка закрывает ладонью рот. — Мне очень жаль. Это недалеко. Если идти прямо в сторону набережной, увидите слева, перед выходом на главную улицу. — У нее покраснели щеки. — Мимо не пройдете. Там мемориал.

Я киваю в ответ. Можно начать и оттуда.

* Джон Уильям Уотерхаус (1849–1917) — английский художник, творчество которого относят к позднейшей стадии прерафаэлитизма. Известен своими женскими образами, которые заимствовал из мифологии и литературы.

* * *

Девушка оказалась права. Сгоревший клуб трудно не заметить. Угловое здание. С трех сторон полицейское ограждение. На стенах до самой крыши — зловещие черные пятна копоти.

На мгновение я останавливаюсь, беру себя в руки, затем сворачиваю за угол. Передо мной мемориал: гора мягких игрушек, свечи, цветы, некоторые свежие, другие уже завяли. В воздухе витает запах, который у меня ассоциируется с ожогами, сгоревшей одеждой, палеными волосами, волдырями на коже. Жуть.

Перед поездкой я почитала кое-что об этом пожаре — ничего особенного. Это был не теракт, в Новой Зеландии нет такой проблемы, хотя в это трудно поверить, просто трагический несчастный случай. Переполненный клуб, заблокированный выход, неисправная система пожаротушения. Стечение чудовищных обстоятельств. В США об этом сообщили в новостях только из-за трагических последствий.

Катастрофы всегда производят более тяжелое впечатление, если пострадало много молодых людей, а в том клубе собралась молодежь. Я медленно иду вдоль фотографий, приклеенных, привязанных, пришпиленных к ограждению, за которое запрещено заходить. В основном азиаты и азиатки, ни одного человека старше тридцати, глаза сияют, у них все впереди, в прошлом — ничего ужасного. Теперь они застыли здесь навеки.

Я с болью думаю о погибших. Каково сейчас их родителям, потерявшим любимых чад?! Каково друзьям, братьям и сестрам, продавцам магазинов, которые смеялись их шуткам?! Эта мысль всегда посещает меня в отделении неотложной по-

мощи, когда доставляют жертв особенно чудовищных происшествий — нелепых автокатастроф, случаев домашнего насилия, драк и перестрелок в барах. Искореженные жизни. Оборванные. И уже ничего нельзя исправить.

С некоторых пор мне все труднее с этим мириться. Конечно, я всегда ненавидела терять пациентов, но мне нравилось их спасать, быть рядом с ними в тот момент, когда они испытывали эмоциональный шок и ужас, и делать все, чтобы отвести от них смерть. Как, например, в случае с одной девушкой, которую доставили в больницу с пулей в животе в тот вечер, когда я увидела по телевизору Джози. Девушку принес ее парень. Его руки были в крови, потому что он все время зажимал рану. Это ее и спасло.

Но в последнее время мне все чаще вспоминаются погибшие. Мать, врезавшаяся на машине в дерево; парень, которого исконала собака; красивый мальчуган, выстреливший в себя из маминогo пистолета.

Я пытаюсь отрешиться от их лиц и сосредоточиться на фотографиях, что вижу перед собой. Внимательно всматриваюсь в каждый снимок. Вот девушка с лиловыми прядями волос, у нее один передний зуб — кривой. Вот дива с алыми губами и всепонимающим взглядом. Вот смеющийся мальчик рядом с собакой.

Многим ли из родственников погибших посчастливится опознать останки близких? В данном случае это будет просто: большое количество жертв, уйма обгоревших тел.

Вагон поезда, на который пришелся основной взрыв, якобы уничтоживший Джози, разорвало на кусочки. Он весь расплавился, частично испарился, как и находившиеся в нем люди. Обнаружили рюкзак моей сестры и останки одного из ее спутников — парня, о котором она упоминала раза два

в электронных сообщениях, что отправляла нам из каких-то интернет-кафе. И мы знали, что Джози путешествовала с той компанией.

О ее гибели я узнала по телефону, когда шла домой, чтобы немного поспать после изнурительной смены в акушерском отделении центральной больницы Сан-Франциско, где я провела 36 часов. Жила я на съемной квартире с четырьмя другими девушками, которые, как и я, оканчивали ординатуру. Тесноты мы не замечали, поскольку дома почти не бывали. Квартира была та еще дыра, но на это мы тоже не обращали внимания. Еду покупали навынос, на экологию нам было плевать, кофеином заправлялись в кафе, что находилось на первом этаже здания. Я плелась в горку, мечтая, что сейчас залезу под горячий душ и буду долго там отмокать, помою голову, потом посплю несколько часов в пустой квартире, поскольку все мои соседки остались в больнице.

Зазвонил телефон, я ответила и услышала в трубке причитания мамы. На моей памяти голосила она так только один раз, после землетрясения, и с тех пор тот ее вой застыл у меня в костях.

— Мама. Что стряслось?

И она сказала. Джози больше нет, погибла при взрыве бомбы, разметавшем поезд во Франции несколько дней назад.

Последовавшие недели прошли как в тумане. Я продолжала работать, а все остальное время не отнимала от уха телефон, разговаривая с мамой, с похоронным бюро, с представителями органов власти. Нередко принимала звонки в перерывах между приемом пациентов, укрывшись от посторонних в подсобном помещении. Плакать я не могла: была слишком утомлена и эмоционально раздавлена. Слезы полились позже.

БАРБАРА О'НИЛ

Здесь, на улице Окленда, рядом со мной стоит и плачет молодая женщина. Я иду прочь, чтобы не мешать ей. От всего сердца желаю, чтобы ей стало легче, но по своему опыту знаю, что этот путь можно пройти только шаг за шагом, и шаги эти будут тяжелы.

И вдруг меня охватывает безудержный неукротимый гнев, аж руки трясутся. Я вынуждена остановиться и сделать глубокий вдох, глядя на верхние этажи здания, где находился сгоревший ночной клуб.

— Черт возьми, Джози! — говорю я вслух. — Как же тебе не стыдно? Как ты *могла*?!

Такого трудно было ожидать даже от моей эгоистичной непутевой сестры-серфистки.

Вот ведь совпало, что я в Окленде, в стране вулканов. Все мое существо внутри бурлит, словно кипящая магма, которую остудить невозможно.

Я не знаю, что сделаю, когда найду ее. Залеплю ей пощечину? Плюну в лицо? Обниму?

Не знаю.